

Уго Чавес: путь в революцию

Время неумолимо отдаляет нас от того дня, когда Команданте Боливарианской Революции, Президент Боливарианской Республики Венесуэла отошел в бессмертие. Именно так говорят миллионы венесуэльцев, их товарищи и друзья во всем мире. Горе тяжело, но борьба продолжается. Имя и дело Чавеса остаются оружием антиимпериалистической революции и на его родине, и далеко за ее пределами.

Закономерно, что его и наши враги будут лишь расширять кампанию, которую вели против Чавеса десятилетиями. Но методы их меняются в направлении, отмеченном еще В.И. Лениным: «Угнетающие классы при жизни великих революционеров платили им постоянными преследованиями, встречали их учение самой дикой злобой, самой бешеной ненавистью, самым бесшабашным походом лжи и клеветы. После их смерти делаются попытки превратить их в безвредные иконы...»¹

Ленинское предостережение побуждает нас, при всем уважении к чувствам миллионов последователей Чавеса, настороженно отнестись к учатившемуся сочетанию его имени, как и имен других революционеров, с этим словом – ícono, пусть по-испански более многозначным, чем по-русски. Люди с большой буквы, отдавшие жизнь борьбе за лучшее будущее в земном мире (пусть даже кто-то из них и верил в мир потусторонний), не сказали бы спасибо тем, кто вольно или невольно, по любым мотивам, посмертно превращает их в предмет культа.

История и современность зовут к бдительности в отношении того, на чем, как и во времена В.И. Ленина, «сходятся сейчас буржуазия и оппортунисты внутри рабочего движения. Забывают, оттирают, искажают революционную сторону учения, его революционную душу. Выдвигают на первый план, прославляют то, что приемлемо или что кажется приемлемым для буржуазии»². Применительно к Уго Чавесу это выражается, прежде всего, в попытках посмертно «обручить» его с реформизмом.

В колумбийской буржуазной газете «Эль Эспектадор» опубликована статья У. Оспины под симптоматичным названием «Чавес: демократическая революция». Автор, явно не без влияния переговоров о мире в Колумбии, начатых при активном участии Чавеса, акцентирует противоположность вооруженных методов политической борьбы «мирным», трактуя лишь первые как насильственные, вторые же – как «демократические», умалчивая об их объективной взаимосвязи в реальной истории. «Вот самое заметное различие между Уго Чавесом и вызывавшим его восхищение Симоном Боливаром: Чавесу, чтобы победить, не пришлось вести войну. Это же отличает Чавеса от Фиделя Кастро и Че Гевары: Чавесу посчастливилось принять вызов и предпринять преобразование общества, как требовали даже могущественные силы всего континента, прибегая только к инструментам демократии. Его единственное поражение – поражение военного переворота, который он попытался совершить

в 1992 г., – в итоге обернулось еще одной победой, поскольку спасло его от прихода к власти, по причине своего нетерпения, травматическим путем насильственного разрыва системы институтов»³. Тщетная попытка сделать Чавеса приемлемым для «могущественных сил всего континента» приводит автора к утверждению о благотворности поражения, исключая даже постановку вопроса о реальном существовании «инструментов демократии» на различных этапах истории.

Подобное истолкование наследия Чавеса – явление международное, и Россия – не исключение. Так, обозреватель «Советской России» А.К. Фролов усматривает главную причину ненависти «либералов» (о господствующем *классе*, понятно, нет и речи) к Чавесу в том, что он перехватил у них любимое знамя – «демократию»: «Его победы были достигнуты не насилем, а свободным народным голосованием». Невольно вспоминается «свободное народное государство» Готской программы – объект жесткой критики классиков марксизма. Согласно Фролову, «главное историческое завоевание латиноамериканских левых, начиная с венесуэльской левой во главе с Чавесом, – неоднократная победа на свободных выборах». Намек понятен: пойдём тем же путем – тоже победим. Главное тут даже не в методах борьбы как таковых, а в подходе к ним. Ведь подобным же образом пытались подражать и российскому Октябрю, и партизанской тактике Китайской и Кубинской революций, а потом сетовали, как сегодня Фролов: то, что достигнуто другими, «никак пока не получается у оппозиции в России»⁴.

Подобные представления питаются у одних политико-идеологической тенденциозностью, у других – незнанием реальной истории, в частности латиноамериканской. Те, кто не знает или не помнит Венесуэлу 20-летней, а то и 10-летней давности, могут поверить, что все сводилось к «свободному народному голосованию».

Наши идеологические противники научных доводов, как правило, не воспринимают. Но опору тенденциозности – незнание – мы можем если не устранить (для этого нужно коренное преобразование общества), то по крайней мере в своей среде свести к минимуму.

Тема настоящей статьи – путь, пройденный Чавесом и его товарищами к началу Боливарианской революции, предсказанной, подготовленной и возглавленной ими. Но начать придется с предельно сжатого очерка истории Венесуэлы. Насколько «мирно» и «демократически» жила страна до тех лет, когда в ее атмосферу ворвался ураган, имя которому Чавес? Была ли у его предшественников, да и у него до начала Боливарианской революции, возможность «победы на свободных выборах»? Существовало ли там до президентства Чавеса «свободное народное голосование»?

Родина

Венесуэла по территории почти вдвое больше Франции или Испании. Сегодня ее населяют 27 млн. человек.

Венесуэла вправе считаться исторически первой страной Америки. Здесь, в устье Ориноко, каравеллы Колумба в 1498 г. впервые достигли не островов, но нового континента, о чем известил мир год спустя Америго Веспуччи, вернувшись из плавания к этим берегам. Колумб дал стране имя «Венесуэла» («маленькая Венеция») под впечатлением свайных построек араваков и карибов. Жители саванн и отрогов Анд стойко сопротивлялись колонизаторам. Испанский король Карл I, он же властелин Священной Римской империи Карл V, отдал страну в уплату долгов немецким банкирам Вельзерам, однако против них восстали не только индейцы, но и успевшие здесь осесть испанцы, предки креолов. Начались и восстания черных рабов, создавших в саванне вольные общины «симарронов». С венесуэльского острова Маргарита бросил дерзкий вызов Филиппу II неистовый баск Лопе де Агирре, союзник индейского вождя Гуайкайпуру, назвавший себя «Князь свободы». Лишь к 1567 г. Испании удалось утвердиться в прибрежных районах. Здесь появились плантации какао, возделываемые черными рабами; их владельцы-креолы составили основу господствующего класса. Саванны, по-испански «льянос» (равнины), оставались краем непокоренных индейцев, симарронов и белокожих изгоев, давших начало метисам-льянеро – будущему ядру нации.

Венесуэльский народ богат революционными традициями. Уже в XVIII веке ремесленники подняли восстание «комунерос», а в годы Великой французской революции попытались утвердить «закон французов». Венесуэла дала Испанской Америке основоположников независимости: Франсиско де Миранду, прозванного Предтечей, и Симона Боливара – Освободителя. 5 июля 1811 г. в Каракасе была провозглашена суверенная республика, первая в Испанской Америке. Война за независимость приняла здесь характер социальной революции. Победа над колониализмом и рабовладением стоила жизни каждому четвертому венесуэльцу.

Боливар, выходец из среды плантаторов, сумел стать во главе восставшего народа. Он декретировал освобождение рабов, обещал бойцам повстанческой армии землю. Многие его мысли опередили свое время, и к ним почти через двести лет обратится Чавес. Освободитель выдвинул идею постоянно действующего представительного органа власти – конституционно-законодательной Народной ассамблеи. Справедливо полагая, что «невежественный народ – слепой инструмент собственного разрушения», подписал декрет об обязательном начальном образовании. Отводя важную политическую роль Освободительной армии, предостерегал: «Будь проклят солдат, стреляющий в свой народ». Первым предупредил о захватнических планах «великого северного соседа» и пытался создать союз латиноамериканских стран для защиты независимости. Все это будет востребовано Чавесом. Он даже отыщет у Боливара идею «социальной безопасности» и предположит, что Отец Родины, проживи он еще несколько лет, мог бы стать социалистом. Во всяком случае, исторический факт, что на позиции утопического социализма перешел наставник Боливара, публицист и педагог Симон Родригес, открывший первые в

Америке школы для детей всех рас. Чавес часто вспоминал его слова: «Новое не может быть копией старого, оно должно быть другим, мы его изобретем или впадем в заблуждение».

Освободитель был предан и, по убеждению Чавеса, умерщвлен латифундистами, спешившими использовать революцию для своего обогащения и закабаления большинства. Но покорить венесуэльский народ было непросто. В 1859-63 гг. бедняки поднялись за землю и свободу под знаменами повстанческого генерала Эсекьеля Саморы. Только предательское убийство вождя позволило снова украсть у народа победу. Но жертвы «Федеральной войны», в которой сложил голову каждый десятый венесуэлец, пали не напрасно: страна – одна из немногих в Латинской Америке – завоевала и отстояла федеративное устройство, обеспечившее народным массам большие, при прочих равных условиях, возможности сопротивления сверхэксплуатации.

В конце XIX в. было найдено главное богатство страны – нефть. Добывать ее начали не иностранные компании, а сами венесуэльцы. Империалистическим державам пришлось приложить немалые усилия, чтобы завладеть «черным золотом». В самом начале XX века, когда к власти пришел президент-патриот Сиприано Кастро, Британская и Германская империи при содействии США ввели блокаду побережья Венесуэлы под предлогом ее задолженности. С. Кастро в те годы сделал первую попытку союза с Россией. Но в 1908 г. США помогли захватить власть генералу Хуану Висенте Гомесу, а тот отдал нефть североамериканским корпорациям. Партизанские выступления против тирана почти не прекращались, но с помощью Вашингтона он продержался у власти 27 лет.

Коммунистическая партия Венесуэлы (PCV) была основана в 1930 г. в глубоком подполье (даже объявить о ее существовании стало возможным лишь спустя семь лет), но вскоре ослаблена расколом. Исключенные из партии троцкисты совместно с национал-реформистами создали партию «Демократическое действие» (Accion Democratica – AD), претендовавшую на руководство антидиктаторской борьбой.

23 января 1958 г. последняя военная тирания Переса Хименеса была свергнута восстанием с участием всей оппозиции, включая часть армии. Левые⁵, в том числе коммунисты, были малочисленны, и революция оказалась под контролем буржуазии. Формально победила «демократия», на деле установилась «диктабланда» - «мягкая диктатура»⁶. Буржуазные партии подписали между собой «Пакт Пунто-Фихо»⁷: поделили все позиции в государственном аппарате и договорились о том, чтобы в президентском кресле чередовались их представители. Почти на сорок лет легальные возможности всех остальных партий были сведены к минимуму; даже из трех подписантов пакта шансы на власть были лишь у AD и «Независимого избирательного списка» (COPEI). Нефть осталась у прежних хозяев, земля у латифундистов. Коммунисты и радикальная молодежь, вышедшая из AD и создавшая Движение революционных левых (MIR), снова взяли в руки оружие. Один из лидеров парламентской оппозиции Фабрисо

Охеда публично заявил о невозможности дальнейшей легальной борьбы, ушел в партизаны, был захвачен в плен и убит в тюрьме. «При диктатуре Пунто-Фихо убитых было больше, чем при диктатуре Переса Хименеса» (У. Чавес).

Гражданская война 1961-68 гг. началась с восстаний военных, а затем приняла форму сельской и городской герильи, одной из самых серьезных в Латинской Америке. В борьбе участвовали крестьяне, студенты, жители бедняцких окраин городов. Режим опирался на экономическую, военную, разведывательную поддержку США. На помощь венесуэльской революции пришли кубинские добровольцы, многие из которых отдали жизнь за свободу братского народа. Трудно сказать, каков был бы исход вооруженной борьбы, если бы тогдашнее руководство РСВ не вывело из нее партию в 1967 г. под влиянием правооппортунистического уклона в европейских социалистических странах. Этот односторонний акт был расценен в Гаване как предательство; отношения Кубы с СССР и его европейскими союзниками оправались от удара лишь через год, когда Фидель поддержал действия Варшавского Договора против экспорта контрреволюции в Чехословакию. Вчерашние «друзья» Москвы из лидеров РСВ открыто встали на сторону так называемой «пражской весны»; партия была расколота, ее влияние на массы подорвано. Исключенные из РСВ оппортунисты, образовавшие партию «Движение к социализму» (MAS)⁸, станут в дальнейшем злейшими врагами Чавеса, коммунисты – верными союзниками.

И все же герилья в Венесуэле закончилась не истреблением партизан, а своего рода компромиссом. В обмен на прекращение вооруженной борьбы правительство президента от COPEI Рафаэля Кальдеры вынуждено было объявить амнистию. Бывшие партизаны конституировались в несколько левых партий, но ни одна из них не стала массовой. Тем не менее, выступления студентов и городской бедноты не прекращались. Национальный университет правительству удалось взять под контроль только путем оккупации и длительного закрытия (1970). Даже рядом с президентским дворцом сохранялась непобежденная территория – бедняцкий квартал имени 23 января (дата свержения Переса Хименеса), где жандармы чувствовали себя как оккупанты в партизанском районе.

Рабочее движение властям удалось поставить под контроль профбоссов из AD. Это была не просто желтая профбюрократия, а настоящая мафия, не брезговавшая никакими средствами борьбы за доходные места. В 1984 г. от рук наёмных убийц пал коммунист Эми Кроэс, попытавшийся создать независимый профцентр.

Правящие круги и их агентура в рабочем движении смогли несколько упрочить свое господство потому, что страна всё-таки стала получать часть стоимости добывавшейся в ней нефти. В 1960 г. по предложению Венесуэлы была создана Организация стран-экспортёров нефти (ОПЕК). В 1975 г. правительство президента от AD Карлоса Андреса Переса смогло даже национализировать нефть и создать государственную компанию «Петролеос де Венесуэла». Государственный сектор стал рекордно большим в капиталистическом мире – 50-

60% экономики; он охватил добычу нефти и газа, бокситов и железной руды, построенные на нефтедоллары предприятия металлургии и нефтехимии.

Идейной оболочкой госкапиталистических реформ служили оба главных течения буржуазного реформизма, организованных в международном масштабе. АД примкнула к Социнтерну, СОРЕИ – к христианской демократии. И те и другие стремились приблизить политическую систему «диктабланды» к двухпартийной модели США или ФРГ, сделать ее образцом «демократии» для Латинской Америки.

Но социальная база реформизма в зависимой стране оставалась узкой. Плоды нефтяного бума достались хоть не 3%, как при Пересе Хименесе, но процентам 30: городской буржуазии и средним слоям с примыкавшей к ним немногочисленной рабочей аристократией. Две трети населения не получали почти ничего. Самыми бедными из жителей деревни и городских трущоб были индейцы. Считалось, что их около 1%, на деле, как выяснили только при Чавесе, – в десятки раз больше, просто одних записывали как метисов, другие вообще не имели документов и для статистики не существовали. Вскоре после свержения диктатуры была декретирована аграрная реформа, чтобы лишить партизан поддержки крестьянства, но серьезных преобразований в деревне не произошло. Зато разрешили переселяться в города и занимать земли на окраинах. Крестьяне стали массами уходить из нищеты, терроризируемой жандармами деревни. На окраинах росли как грибы «ранчос» – скопления домишек из подручного материала. В столице образовались два города: город богатых – восточный Каракас и город бедноты – западный.

Коррупцированная бюрократия, в том числе руководство профсоюза нефтяников, превратили государственную нефтяную компанию в свою кормушку, значительная часть доходов от экспорта разворовывалась. Месторождения, разведанные в последние годы, находились уже не в государственной, а в частной собственности транснациональных корпораций. Правители Венесуэлы по уши залезли в долги транснациональным банкам, благо проценты были в 70-е годы невысокими: кто-то из них наивно думал, что так будет всегда, кто-то жил по принципу «после нас хоть потоп». В 80-е годы проценты были повышены в несколько раз, и выплаты по долгам стали поглощать 30 и более процентов доходов от экспорта.

Такой была Венесуэла до Чавеса, Венесуэла его юности и молодости. Насколько «демократическими» традициями она обладала, можно ли было надеяться осуществить перемены путем «свободных» выборов – судите сами.

Сын народа

Уго Рафаэль Чавес Фриас родился 28 июля 1954 года в местечке Сабанета в штате Баринас, на юго-востоке Венесуэлы, в семье Уго де лос Рейеса Чавеса и Элены Фриас, учителей начальной школы. Родители пользовались уважением односельчан, но жили более чем скромно: народное образование не было приоритетом для буржуазных правителей. Когда же семья стала многодетной

(Уго - второй из шестерых сыновей, седьмой умер маленьким), нужда поселилась в доме прочно. По обычаю малоимущих венесуэльцев, с появлением младших братьев старшие, Адан и Уго, переселились в глинобитный, крытый пальмовыми листьями домик бабушки-индеанки Росы Инес. «Мама Роса» их и растила, и задолго до школы учила читать. Жили дружно и весело, хотя каждый грош был на счету. Мальчишки в самодельных сандалиях-альпаргатах продавали на улице приготовленные бабушкой сласти. «Приличную» обувь впервые пришлось надеть в 12 лет: в альпаргатах не допускали в школу.

«Рядом с Росой Инес, – Чавес вспоминал, – я узнал скромность, нищету, боль, голодные дни. Я узнал о несправедливости этого мира. Рядом с нею я научился работать и собирать урожай. Я понял, что такое солидарность... Мне приходилось от ее имени делить небольшие порции еды между подругами и друзьями, которые не имели ничего или почти ничего, как и мы сами... С бабушкой я научился принципам поведения и ценностям тех простых венесуэльцев, которые никогда ничего не имели и которые являются душой моей страны»⁹. С малых лет он учился не смотреть на богачей снизу вверх, не стыдиться бедности и темной кожи, а гордиться трудом, честностью и дружбой.

Малая родина Чавеса лежит на стыке льянос с отрогами Анд. Здешние жители веками пасли стада, охотились и путешествовали по саванне, будто сливаясь с конями в сказочных кентавров. Они славились бунтарством, лихостью и отчаянной отвагой, в бою не щадили ни врагов, ни себя. Пики, мачете и пули льянерос наводили страх на испанских колонизаторов, креольских плантаторов, президентов-олигархов, военных тиранов-каудильо. Но за теми, кто обещал свободу и возмездие угнетателям, внушал уважение бесстрашием, «кентавры» шли безоглядно и верили в них истово, как в Матерь Майсанту, с чьим именем мчались в бой. Погибшие вожди для них оставались живы подобно сыну Майсанты, распятому угнетателями и воскресшему. Так льянерос понимали веру Христову, что бы ни говорили прелаты, разодетые в шелк и бархат. Так будет верить и Уго, взявший себе в день восстания позывной «Кентавр».

Любимым героем Чавеса навсегда стал Симон Боливар. Для маленького Уго он был не только Отцом Родины, Освободителем, о котором сизмальства слышит каждый венесуэлец, но и героем песен и сказаний льянерос. Здесь, под священным деревом индейцев, он отдыхал. Отсюда повел кентавров саванны совершить невозможное – перейти ледяные перевалы Анд. С этой народной армией освободил от колонизаторов несколько стран, но когда позволил разлучить себя с нею, был предан и обречен на одинокую смерть.

Мама Роса часто рассказывала внукам о судьбах их далеких и близких предков. Один из них в 1859-63 гг. воевал у Эсекьеля Саморы. Вождь восставших бедняков стал для Уго таким же любимым героем, как Боливар. Но больше всего мама Роса рассказывала о своем отце – повстанческом генерале Педро Пересе Дельгадо по прозвищу Майсанта. Подобно мексиканцам Сапате и Вилье или никарагуанцу Сандино, он был для властей и официальных историков бандитом, для бедняков – героем. Как Вилья, взялся за оружие подростком, мстя за честь сестры. Как Вилья

и Сандино, пытался заключить мир и сменить винтовку на плуг. Но, когда товарищи по оружию предложили участвовать в восстании против Гомеса, Майсанта снова пошел в бой. Был схвачен и погиб в тюрьме за тридцать лет до рождения Уго. Братья часто бывали в местах боев, искали в песке гильзы. Уже военным Чавес будет встречать следы прадеда в разных краях, но могилу так и не найдет: тюремщики Гомеса бросали тела узников в море, акулам. Нагрудный оберег с изображением Святой Девы Сокорро («soco» – «помощь, защита»), когда-то надетый на Майсанту матерью, Чавесу вручат друзья, когда настанет его очередь принять бой с несправедливостью.

Уго рос сильным, смелым, жадным до знаний. Прекрасно рисовал: в 12 лет получил первую премию на региональной выставке. Научился хорошо петь народные баллады, аккомпанируя себе на куатро – четырехструнной гитаре. Увлёкся спортом: страсть к бейсболу он сохранит до последних лет здоровья. Но и читал страстно, особенно любил историю.

Поступать в среднюю школу пришлось в столице штата. Там Уго и Адан познакомились с коммунистом Х.Э. Руисом Геварой – бывшим партизаном и политзаключенным, написавшим в тюрьме книгу о Майсанте. Братья сдружились с сыновьями Руиса, кружком их товарищей. Уго прочел Руссо, Боливара, Макиавелли, венесуэльских историков-марксистов. Получил первые уроки политграмоты: участвовал в демонстрациях против вьетнамской агрессии США и репрессий «своего» правительства, расклеивал предвыборные листовки. Но для коммунистов и в Венесуэле, и в мире наступило время раскола и кризиса. Разобраться, кто прав, было трудно и большинству взрослых, не то что подростку.

После школы Адан поступил в университет, но Уго не последовал примеру брата. Будто бы потому, что в «альма матер» не имелось хорошей бейсбольной команды, – но, возможно, семье был по средствам только один студент? Да и с университетским дипломом, но без связей и денег на взятки – найдешь ли подходящую работу? Крепким и не робкого десятка юношам из простолюдинов оставался один путь – Военная академия Каракаса. Класного игрока в бейсбол там ценили. Война с партизанами кончилась – стрелять в своих вряд ли придется. Набираемый курс будет учиться по новым программам. В академии есть преподаватели прогрессивных взглядов, которым не доверяют командование, но позволяют готовить будущих офицеров. Выбор сделан: в 1971 г. Чавес надевает мундир – пока кадетский.

Зов времени

В те годы латиноамериканские армии оказались в центре политической борьбы. Еще недавно военные подавляли партизанское движение, а революционная молодежь воспринимала человека в форме как врага. Однако 70-е годы – время не только кровавых хунт в Чили, Аргентине, Бразилии, Уругвае, Гватемале, Сальвадоре, но и прогрессивных военных режимов в Перу, Боливии, Эквадоре, Панаме.

В Венесуэле вооруженные силы были не совсем такими, как в большинстве стран региона. Почти постоянные политические потрясения не давали военно-бюрократической машине застыть, а людям в форме – забыть традиции народных армий. Офицерская служба не стала запретной для сыновей бедняков и «цветных» (в Чили плебею Чавесу не видать бы военного училища). Тираны типа Гомеса, хоть и носили генеральские эполеты, военным не доверяли, больше уповали на тайную полицию, укомплектованную иностранными наемниками. Военные совместно с гражданскими революционерами не единожды свергали подобные режимы, последний раз – в январе 1958 г. Даже герилья впервые в регионе закончилась компромиссом. По всему этому венесуэльская армия не превратилась в палача народа. В такой армии можно было дышать и думать.

Среди однокашников у Уго нашелся единомышленник – выходец из каракасского района «23 января». Бывая в гостях у друга и его товарищей, он вдыхал воздух бедняцких кварталов столицы, где революционеры были своими. Здесь получит самую прочную опору и президент Чавес.

На соревнованиях по бейсболу Уго познакомился со студентами Национального университета. Вместе с ними играл в театральные постановки, слушал концерты – это не запрещено уставом. Начальству незачем знать, что друзья снабжают Уго крамольными книгами из университетской библиотеки, а их любимый бард – автор пламенных революционных песен Али Примера. Спустя годы певец погибнет в подозрительной автокатастрофе; еще через много лет президент Чавес будет часто вспоминать его в знаменитой телепрограмме «Алло, Президент!», а годовщину его ухода из жизни изберет для своего последнего возвращения на родину...

Конец 60-х и 70-е годы заново обратили Венесуэлу к идейным истокам Войны за независимость. Почти полтора десятилетия лет правящий класс, не посягая на памятники на площадях, утаивал от народа подлинную жизнь и взгляды Освободителя. Ему хотелось бы, чтобы имя Боливара ассоциировалось только с названием венесуэльской денежной единицы. Но борьба за Вторую независимость Латинской Америки, начатая Кубинской революцией, дала начало необоливарианству как идейному, а затем и политическому течению. Его истоки – в Гаванских декларациях 1960-62 гг., в программных документах герильи 60-х гг. и созданной в 1967 г. Организации латиноамериканской солидарности. Научное изучение эпохи и наследия Боливара подняли на новый уровень труды советских исследователей – легендарного разведчика и ученого И.Р. Григулевича (Лаврецкого) и видного латиноамериканиста А.Ф. Шульговского, чьи книги в Венесуэле стали признанными учебными пособиями.

Убежденным боливарианцем был любимый преподаватель Уго – участник революции 1958 г. генерал-лейтенант Х. Перес Аркай, по достоинству оценивший «безграничную и отчаянную жажду знаний» юного кадета. «Из-за несданных зачетов по плаванию» (с его-то спортивной подготовкой) Чавес ни разу не ездил на каникулы – зато библиотека переходила в его полное распоряжение. Жадно

читал Наполеона, Клаузевица, Мао Цзэдуна, Маркса (хотя на это в академии смотрели косо)... И, конечно, Освободителя, Отца Родины.

Однажды кадет собрали на лекцию маститого профессора-либерала «Боливар – государственный деятель». Лектор доказывал: Освободитель был «типичным диктатором». Едва смолкли аплодисменты, как слова попросил Чавес. Начальство ждало благодарственной речи. Но Уго пункт за пунктом разбил все построения ученого мужа, доказав: Боливар был убежденным республиканцем. Чавеса чуть не отчислили, но он так убедительно изложил свои убеждения, что ему лишь посоветовали воздержаться от дискуссий в стенах академии. Эрудит скоро пригодится – грядет 150-летие битвы при Аякучо, решающей победы Боливара. 20-летнего Уго как знатока Войны за независимость включили в группу военной молодежи, отправляющуюся на торжества в Перу. Там когда-то Освободитель получил в награду драгоценную шпагу, на которой доньне присягают народу президенты Венесуэлы. Копию шпаги товарищи возложат на гроб Чавеса...

Делегацию принял президент Хуан Веласко Альварадо, кумир военных-патриотов. Выходец из низов, он вернул стране нефть, провел аграрную реформу, выдвинул план некапиталистического развития. После беседы президент вручил каждому свои книги с программными документами революции. Уго запомнил их почти наизусть. Кто мог знать, что через несколько месяцев Веласко тяжело заболел, революция без организованной поддержки народа захлебнется, а страна покатится к пропасти безысходной гражданской войны?

Чавес вспоминал, как тяжело было скрывать свои чувства при встрече с делегацией чилийских военных: «Свержение Альенде в сентябре 1973 года стало для меня и, думаю, для других членов венесуэльской делегации трагическим событием, вызывало у нас осуждение, презрение к тем гориллам в армейской форме, которые возглавили путч. Пиночет казался нам отвратительным типом»¹⁰.

В академии по обмену учились панамцы, в том числе сын Омара Торрихоса, лидера страны, отдавшего жизнь великой цели – возвращению Панамского канала родине. Уго дружил с Торрихосом-младшим и получил в подарок труды его отца. Антиимпериалистические взгляды Торрихоса, его забота о рабочих, крестьянах, индейцах, его живое общение с народом произвели неизгладимое впечатление. До возвращения канала оставалось почти тридцать лет, до подписания договоров с США и отхода по их требованию Торрихоса от власти – пять, до сомнительной авиакатастрофы, унесшей его жизнь, – восемь...

1975 г. Учеба завершена. Выпуску присвоили имя Симона Боливара. Присягу республике принимал президент Перес. Правительству, готовившему национализацию нефти, поддержка офицеров-боливарианцев была необходима. Выпускники мечтали о независимости от Вашингтона, единении армии с народом, братстве латиноамериканских республик. Мог ли младший лейтенант Чавес, принимая офицерскую саблю из рук президента, даже на миг представить, что им суждено поднять друг на друга оружие?

Подпольщик в погонах

Начинать службу пришлось в родных местах, и не где-нибудь, а в конфискованном властями имении Майсанты, охраняя – злая ирония судьбы – базу с радиооборудованием для прямой связи с Южным командованием США в Панаме. Разыскивая следы прадеда, лейтенант встречает безымянные могилы недавних «партизан» – не таких ли, как его отец, которого после банального ДТП полицейские едва не приняли за агента Фиделя? Вскоре Уго самому придется хлебнуть «антипартизанской войны» – сперва на границе с Колумбией, потом на востоке Венесуэлы, где заявила о себе «Бандера Роха» («Красное знамя»). Чавес привлекает на себя одно взыскание за другим: то мешает жандармам издеваться над крестьянами, то обедает, как Боливар, за одним столом с солдатами, то подает рапорт о фальсификации выборов. Ведет дневник без единого враждебного слова о партизанах, но со ссылками на Че Гевару и горькими размышлениями: «Солдаты не чувствуют, не понимают своих задач. Очень просто: их интересы как социального класса не совпадают с целями этой борьбы. Партизаны соответствуют этим требованиям, необходимым для перенесения трудностей, долгой изоляции и готовности к самопожертвованию». Вывод: «Необходимо создание программы, которая привлечет народные симпатии»¹¹.

Раздробленность и идейный кризис левых партий, неблагоприятная международная обстановка, исторический опыт убеждают: единственный шанс – создание нелегальной организации в армии. Но судьба Перу и Панамы предостерегает: у чисто военной революции нет перспектив. Как воздух нужны сознательная и организованная поддержка народа, союз военных и гражданских революционеров.

В октябре 1977 г. Чавес создает в своей части подпольную ячейку. Вскоре его переводят в Каракас, спортивным организатором в «альма матер», где открываются большие возможности работы с будущими офицерами. Он находит и готовит будущих сподвижников, поддерживает с ними связь после выпуска и отъезда на места службы.

В 1979 г., в атмосфере победы сандинистов в Никарагуа, на Чавеса выходят бывшие партизаны из Партии венесуэльской революции (PRV). В ней уже состоял Адан, он и рекомендовал руководству брата с «задатками революционера». Уго представлен команданте Дугласу Браво, тот дарит ему «Зеленую книгу» Муаммара Каддафи. Согласившись совместно готовить боливарианскую революцию, Чавес, по собственным словам, «уже тогда ясно осознавал необходимость связи с массами, а этого не было в партии Дугласа». Вскоре партия распалась. Чавес сближается с другим команданте – Альфредо Манейро, основателем организации «Радикальное дело» (Causa-R), в которой «ощущал присутствие масс». Но и ее революционность не пережила руководителя. Немало людей из этих организаций найдут себе место в боливарианском движении, некоторые займут посты в правительстве Чавеса; другие окажутся на обочине революции, а затем в рядах ее врагов.

Среди нефтяного бума, потребительской лихорадки «средних слоев» лишь немногие, как Чавес и его товарищи по подполью, видят: «экономическое чудо» –

колосс на глиняных ногах. Довольны только верхушка и средние слои, готовые на все ради обезьяньего подражания «американскому образу жизни». Остальные ютятся в трущобах, кое-как перебиваются случайными заработками, втягиваются в наркобизнес и прочий криминал. Разоряются на пластические операции – вдруг повезет и дочка победит на «конкурсе красоты»? Деревня пустеет, поля зарастают колючками. Страна, прежде кормившая себя, ввозит почти все, кроме нефти. Бюджетные деньги, выделенные на строительство, разворовываются. Растут как грибы только здания банков и филиалов транснациональных корпораций. Долги придется платить, на каких условиях – догадаться нетрудно. А если цены на «черное золото» упадут?

Чавес отдавал себе отчет в уровне сознания большинства сограждан. В дневнике он писал: «Венесуэлец никогда не мог встретиться сам с собой. Со своей землей, со своим народом. Со своей музыкой. Со своими обычаями. Мы все импортируем. Для нас важно только одно: заработать «деньжат». Иметь автомашину последней модели. Быть туристом. Получить «статус». Таково сознание этого народа, изъеденное «нефтедолларами». Цитировал Освободителя: «Золото коррумпирует все». Что же делать, в чем искать опору? «Единственно ценное и прекрасное, что остается нам, любящим эту землю: вцепиться в героическое прошлое и его людей, создателей своей истории. Что еще?»¹²

В Венесуэле готовились пышно отпраздновать в июле 1983 г. 200-летие Боливара, но настроение молодых офицеров было далеко от юбилейного. В мире пахло порохом и кровью, в Центральной Америке полыхала необъявленная война. 17 декабря 1982 г., в годовщину кончины Освободителя, Уго Чавесу поручили выступить перед парашютистами. Он начал со слов Хосе Марти: «Стережущим и обеспокоенным пребывает Боливар в небесах Америки, поскольку то, что он не завершил, остается незавершенным до сего дня», - а затем перекинул мостик к сегодняшнему дню: «Не надо говорить, что Боливару сейчас нечего делать в Америке с такой нищетой, с такой униженностью». Затем Уго и трое офицеров-парашютистов направились к старому дереву, под которым еще до Колумба совершали обряды индейцы, сиживал и Боливар. Чавес предложил на этом священном месте повторить клятву Освободителя: «Не дам ни отдыха моей руке, ни покоя моей душе до тех пор, пока мы не разорвем цепи, которые нас давят...» Концовку – «по воле испанской власти» – он изменил: «по воле власть имущих». В клятву вошел и лозунг Э. Саморы: «Свободная земля и свободные люди, народные выборы, страх олигархам, родина или смерть»¹³.

Так родилось Революционное боливарианское движение-200 (МВР-200). Называя организацию революционной, ее участники брали курс на кардинальную смену власти, не ограничивая себя правилами, ею же установленными. Идейную основу составили «три ветви» - наследие Боливара, Симона Родригеса и Эсекьеля Саморы. Связь названия с 200-летием Освободителя несла в себе отнюдь не конъюнктурный смысл: ведь и Фидель с товарищами

называли себя «Поколением столетия Апостола» (Хосе Марти), а после штурма Монкады – *Движением 26 Июля*.

Чавес всецело отдается конспирации. Налаживает контакты с левыми политиками. Атмосфера в регионе меняется: страну за страной охватывают выступления против кабального «долга» империалистическим банкам. Латинская Америка могла уже в 80-х встать на новый путь, если бы европейский социализм не покотился стремительно к гибели. Март 1985 г. оставил мету и в судьбе Чавеса. Контрразведка о чем-то проведала (или знала и раньше, но начальство до поры закрывало глаза?). Скорее убрать смутьяна из столицы в глушь – там, глядишь, его найдет пуля наркоторговца или отравленная стрела индейца.

Чавес верен себе. Командует моторизованной частью – дослужился до майора. Устраивает концерты народной песни, куда открыт вход не избранным, как раньше, а всем. Наотрез отказывает латифундистам в «просьбах» за хорошую мзду очистить земли от «дикарей» племени йарурос. Решает сам разобраться в индейском вопросе. Штудирует все, что смог достать из литературы, подолгу говорит с университетскими этнографами, под видом студента присоединяется к экспедиции. Проводит несколько дней в селении йарурос, ест с ними из одного котла, ходит на охоту, ночует в хижине. Индейцы навсегда станут его друзьями. Одного из их вождей враги убьют накануне кончины Чавеса – раньше не решатся...

Если недруги надеялись «ссылкой» помешать конспирации, то ошибались. Через курьеров Уго поддерживал связь с другими гарнизонами, при необходимости выезжал туда. За четыре года прошло шесть съездов MBR-200. Движение объединилось с другими кружками военных революционеров. Чавес занимал самые радикальные позиции – даже предлагал взрывать мосты и опоры ЛЭП, чтобы пробудить народ. Товарищи убедили: диверсиями ничего не добьешься. Ждать недолго – цены на нефть сбиты, финансовые дела хуже некуда, МВФ скоро предъявит Венесуэле такой же, как другим, ультиматум: хотите займов и отсрочки выплат по долгам – повышайте цены, коммунальные платежи, налоги. Народ выйдет на улицы, и революционерам будет самое время выступать. Пятый съезд MBR-200 (1986) наметил примерные сроки: июль – сентябрь 1991 г., когда кризис, по предположениям боливарианцев, достигнет кульминации.

В 1988 г. президентом снова избирают К. А. Переса. Обыватели ждут, что вернуться дни нефтяного Эльдорадо, здравомыслящие понимают: будет наоборот. Старый лис присматривается к Чавесу: «случайно» подсылает к нему приближенного, а затем возвращает Уго в столицу адъютантом министра обороны (!). Рассчитывает купить или расставляет ловушку?

Почти сразу после вступления в должность Перес принимает ультиматум МВФ. Нетрудно предвидеть, что «ранchos» взбунтуются и прольется кровь. Видимо, этого и добиваются: безоружным беднякам не опрокинуть власть, главное – упредить революционеров. Счет идет на месяцы: до Тбилиси и

Тяньаньмэня – два-три, до заговора Очоа на Кубе – четыре, до решающих выборов в Бразилии и падения ГДР – семь-восемь...

27 февраля 1989 г. вспыхивает «Каракасо» – вооруженное восстание бедняков. Первыми разгромлены супермаркеты с товарами, ставшими недоступными «человеку с улицы». Полиция бессильна против народа, и подавлять бунты впервые за десятилетия приказано военным. Боливарианское движение еще не готово к выступлению. Убитых официально 200, неофициально – тысячи. Карателям не хватает патронов. Спецгруппы полиции, пользуясь неразберихой, без суда истребляют «врагов правительства». Среди жертв один из товарищей по клятве под священным деревом. Чавес болен, и это, возможно, спасает его для будущего. Год спустя, после подозрительной «попытки мятежа» в здании министерства обороны, его привлекут к расследованию, но тот же приближенный Переса даст отбой. Пусть себе работает над диссертацией в столичном университете. Мало ли бунтарей становилось благонамеренными господами? Старый лис не в силах предвидеть, что перехитрит сам себя...

В августе 1991 г. – вновь зловещая мета истории – Чавес окончил курсы старшего командного состава, но получил назначение опять в провинцию, да еще на провиантскую службу. По провинциям разослали и его друзей по выпуску имени Боливара. Подсылали провокаторов, воровали оружие, чтобы обвинить в связях с партизанами. «Мы даже начали думать, – вспоминал Уго, – что имелся план ликвидации офицеров-боливарианцев»¹⁴. Друзья предупредили: не пользуйся парашютом, на котором обозначено твое имя. И все же без ЧП не обошлось – от последствий того прыжка Чавес страдал до конца жизни.

Чавес становится Чавесом

Правительство теряло почву под ногами. Многие из военных не простили Пересу вовлечения армии в репрессии против народа. К тому же в соответствии с «вашингтонским консенсусом», навязанным Латинской Америке, режим готовил приватизацию госсектора. Последней каплей стала продиктованная транснациональным капиталом уступка части нефтеносного шельфа Колумбии, не имевшей государственной монополии на углеводороды. Распродажа национального достояния возмутила патриотов.

В декабре 1991 г. – опять переключка исторических судеб – Каракас полнился слухами о смене власти. Бурлили студенческие городки. На стенах появлялись надписи: «Переворот теперь же!» К казармам подбрасывали зерно – в Латинской Америке это издавна значит: «Военные, довольно вам быть трусливыми курами!» Батальон перебросили в столицу, а Чавеса оставили «охранять казармы». В феврале предстояла отправка на колумбийскую границу. Ждать нельзя – дождешься только расправы. Защищать диссертацию Чавесу не придется.

Восстание готовили не только MBR-200, но и гражданские революционеры. Отношения между союзниками были не из легких. Офицеры-националисты не доверяли левым, контакты с ними Чавесу приходилось скрывать не только от врага, но и от «своих». Кое-кто из «левых» заранее требовал себе места в

правительстве, интриговал против Чавеса вплоть до планов его физического устранения. Уго, имевший в контрразведке своих людей, подозревал полицейскую провокацию, и не без оснований: со временем и правые и «левые» псевдолидеры окажутся в одной компании, по другую сторону баррикад. С наиболее серьезной организацией – Causa-R – удалось договориться о совместных действиях, вооружении ее отрядов и совместном формировании правительства. Восстание наметили на начало февраля, когда президент будет лететь домой с давосского форума. Вместо дворца Мирафлорес его ждал арест и суд за преступления перед народом.

Вечером 3 февраля 1992 г. офицеры из MBR-200 подняли свои подразделения в ружье. В выступлении участвовало 133 офицера и до тысячи солдат (Чавес называл цифру 10 тысяч¹⁵ – возможно, включая гражданских). Колонны автобусов с восставшими двинулись к столице. Но революционеров, как много раз в истории, подвела измена. Охрану аэропорта и президентского дворца усилили заранее. Чутье подсказало Уго: на пути к месту встречи с бойцами Causa-R может ждать засада, маршрут надо сменить. В ночь на 4-е он овладел зданием Военно-исторического музея в центре столицы. Боевая группа атаковала президентский дворец. Перес уже берет в руки автомат – если не повезет, придется сыграть в доблестную смерть Альенде. Но сил у восставших мало – приходится отходить. Передать в эфир обращение Чавеса не удалось: не подошла кассета, времени на перезапись не было. Радиосвязь вывела из строя контрразведка. Пересу удалось изложить стране свою телеверсию. Президент потребовал от «путчистов» немедленной сдачи под угрозой удара с воздуха. Хотя восставшие контролировали ряд провинциальных городов, Чавес, уяснив соотношение сил, решил сложить оружие.

Отказ от кровопролития стоил Уго дружбы многих, даже ближайших, товарищей. Но, думается, правы были не те, кто упрекал его в малодушии и чуть ли не предательстве. «Оборона есть смерть вооруженного восстания» – эту истину 90-е годы возвели в степень. Если не удалось сразу овладеть инициативой, поражение неминуемо. Бомбардировщики над Каракасом были бы не только венесуэльские. Весь «цивилизованный мир» пришел бы «на помощь законной власти», и восстание, даже поддержанное народом, захлебнулось бы в крови. Надолго, если не навсегда, родина Боливара и вся Латинская Америка лишились бы суверенитета, не говоря уж о перспективе «левого поворота». Да и весь мир ждала бы судьба еще худшая, чем та, что узнали мы в минувшие годы. Не зря собравшиеся у Переса олигархи требовали бомбить «путчиста» немедленно, – классовое чутье их не обмануло.

Но мало того, что Чавес не дал учинить расправу над собой, товарищами и народом. Он проявил редкостную способность превращать свое поражение в победу, а успех врага – в пиррову победу и скорое поражение. Ему предложили по телевидению призвать товарищей в провинции сложить оружие. Перес требовал: транслировать только в записи – пусть PR-специалисты изобразят «сломленного, деморализованного путчиста». Чавес поставил непременным условием: только

прямой эфир, и пусть сначала ему вернут форму и знаки различия. С телеэкрана в дом каждого венесуэльца вошел простой мужественный сын родной страны, прозвучали полные достоинства слова: «Соратники, к сожалению, пока что цели, которые мы запланировали, в столице не были достигнуты... Потом будут другие обстоятельства, и тогда страна окончательно направит свой курс к лучшей судьбе»¹⁶. «Пока что» прозвучало похоронным звоном не по неудавшемуся восстанию, а по Четвертой республике.

После двух недель оторванности от мира в подвалах контрразведки к Чавесу допустили армейского капеллана. Во время причастия тот шепнул: «Ты, наверное, еще не знаешь, что стал народным героем»¹⁷.

В результате восстания Венесуэла навсегда перестала быть прежней. Уже 5 февраля Конгресс отказал президенту во введении осадного положения. «Попытку переворота» парламентарии осудили, но Чавеса взял под защиту «сам» экс-президент Р. Кальдера: правительство вводит страну в заблуждение – восставшие не покушались на жизнь президента, они стремились спасти страну, укрепить демократический строй. Старый мастер политической интриги спешно покидал тонущий корабль, чтобы иметь шанс на предстоящих выборах.

Чавесу и его товарищам предстояла тюрьма – почти неизбежный этап в жизни революционера. Вначале их держали в форте Сан-Карлос. Из-за глухих стен узникам не было слышно, как прямо у тюрьмы им пели славу знаменитые певцы, но столица слышала, страна знала. В те дни внук Майсанта принес Чавесу священный оберег предка.

Под предлогом опасности освобождения заключенных товарищами (из Сан-Карлоса более 20 лет назад совершили легендарный побег коммунисты), но прежде всего боясь их растущей с каждым днем популярности, власти перевели пленников подальше – в тюрьму Яре. Вокруг устроили минные поля, охрану снабдили даже зенитками. Товарищи на воле забили тревогу: Перес, в прошлом министр внутренних дел, умел устранять неугодных. Призыв к демонстрациям протеста заставил власти отвести боливарианцам отдельный блок с нормальными условиями. Как ни меняли охрану, она попадала под влияние арестованных и разрешала связь с волей. Ветеран левого движения Хосе Висенте Ранхель сумел даже передать Чавесу видеокамеру и получить обратно кассету с интервью.

Как не раз в истории Латинской Америки, тюрьма становится одним из центров подготовки нового выступления. Чавес с товарищами намечает его на июль-август 1993 г., даже передает на волю видеозапись обращения к народу. Но их организация в армии не единственная. 27 ноября группа старших офицеров совместно с гражданскими революционерами из «Красного знамени» и «Третьего пути» поднимает восстание на базе ВМФ в Пуэрто-Кабельо – там, где подобным восстанием началась гражданская война 60-х. Из телецентра базы летит в эфир обращение Чавеса. Отряд восставших атакует тюрьму Яре. Но власти и на этот раз извещены заранее. В бою погибает около трехсот военных, итог – новое поражение. Как и во всех подобных случаях, дело не в одном предательстве. Если

в 1989 г. революционеры-военные не смогли поддержать восставший народ, то теперь народ не смог прийти на помощь им. Условия для победы еще не созрели.

Чавес отмежевался от организаторов ноябрьского выступления, действовавших несогласованно с его организацией и использовавших обращение без ведома автора. Враг не преминул воспользоваться ситуацией для клеветы. Чавес вспоминал: «Я чувствовал себя изгоем, впервые в своей жизни испытал всю полноту горьких переживаний. Никогда прежде я не чувствовал такого, даже 4 февраля после капитуляции. Я ощущал эту горькую боль потому, что товарищи сочли меня виновником поражения 27 ноября»¹⁸. Многие падают духом: если революционеры не могут договориться между собой – как они станут управлять страной? Уго не теряет оптимизма: Фиделю Кастро и его товарищам тоже не удалось взять Монкаду – проигранное сражение еще не означает поражения в войне. Внимательно изучает речь Фиделя перед батистовским судом «История меня оправдает». Работает над программным документом – «Синей книгой». Тюрьма стала университетом: там выступали с лекциями, проводили семинары и дискуссии, работали над статьями. Чавес много читал, писал стихи, рисовал акварелью и гуашью.

Тем временем обстановка в стране менялась. Переса отстранили от власти парламентским импичментом и отдали под суд за коррупцию (правда, он отделался домашним арестом на роскошной вилле). Его планы пустить с молотка госсектор были сорваны сопротивлением народа.

Революционеры не смогли выработать единую оценку новой ситуации. Одни, в том числе MBR-200, продолжали бойкотировать выборы – ведь избирательный путь в Венесуэле еще никогда не приводил к переменам, а чаще напоминал фарс. Другие все же выступили на выборах 1993 г., и с успехом: кандидат Causa-R в президенты лишь немного уступил многоопытному Кальдере. «Традиционные» партии с треском проиграли.

Налицо был «кризис «верхов», кризис политики господствующего класса, создающий трещину, в которую прорывается недовольство и возмущение угнетенных классов»¹⁹. В стране впервые сложились условия для серьезной политической деятельности в конституционном «поле». Этому способствовала и международная обстановка. Вашингтон, опьяненный «победой» над СССР, в те годы не боялся революций и не нуждался в режимах пиночетовского типа, считая, что «демократия» в Латинской Америке больше отвечает его интересам. Куба, находившаяся в двойной блокаде, не могла оказывать вооруженной борьбе не только военной, но и политической поддержки. Прежняя ориентация в изменившихся условиях грозила революционерам изоляцией и – кроме таких исключительных случаев, как Колумбия, – поражением. Самым актуальным вопросом стал переход от конспиративных и вооруженных методов борьбы к легальным.

Тюрьма Яре стала центром паломничества политиков разных направлений. Всем было ясно – фигуры популярнее Чавеса в стране нет, все хотели привлечь его на свою сторону. Уго говорил со всеми. Кое-кто из старых друзей снова

поспешил записать его в отступники. Но ему было ясно: без компромиссов не выйти на волю живым, тем более не сформировать политическую силу, способную переиграть противника в легальных условиях. А иных путей служения своему народу у него не оставалось. Как сказал он сам еще в 1992-м, в первом интервью газете коммунистов: «Мы готовы умереть за Венесуэлу. Но мы не будем умирать, мы будем жить им назло!»²⁰

Навстречу победе

В 1994 г. «в целях национального примирения» Чавесу и его товарищам объявили амнистию. Последние тюремные дни в госпитале – властям надо продемонстрировать, что здоровью заключенных ничто не угрожает. Последние вкрадчивые разговоры посланцев из Мирафлореса: только дай обязательство выйти на свободу сторонником правительства – сделаем тебя преемником престарелого Кальдеры. Чавес говорит «нет». Его место не в кулуарах, а на улице, не с «хозяевами жизни», чье время прошло, а с народом. Компромисс компромиссу рознь – он войдет в Мирафлорес не слугой олигархов, а победителем.

На воле Чавес не сразу сориентировался в политической ситуации. Призвал было товарищей бойкотировать выборы губернаторов. Но Франсиско Ариас, один из руководителей выступления 4 февраля, с бойкотом не согласился – и стал губернатором нефтяного штата Сулия. Да и Чавесу было ясно: его освободили не только под давлением народа, но и потому, что господствующий класс намерен использовать бунтаря для «ремонта» буржуазной власти. Банкротство прежней политической системы не оставляет верхам иного выбора. Но выбора нет и у него: гордо отказаться – значит погибнуть без всякой пользы для дела. Уго дистанцируется от «радикалов», не желающих учитывать новые условия. Другьям говорит, перефразируя слова Хосе Марти: «Надо проникнуть в чудовище, чтобы начать борьбу с ним изнутри»²¹.

Приходится начинать долгую игру с матерыми дельцами, считающими всех столь же продажными, каковы сами. Посредник – адвокат и бизнесмен Луис Микелена, побывавший чуть не во всех партиях, – присмотрелся к Чавесу еще в тюрьме. Теперь он «сватает» его не только владельцам банков и СМИ, но и посольству США: «Чавес – единственная надежда для сохранения порядка и мира в Венесуэле, он будет гарантом стабильных поставок нефти»²². Аргентинец Н. Сересоле, фигура столь же скользкая, как Микелена, тоже вращался вокруг будущего президента. Позже он писал, если и не без преувеличения, то с профессиональным знанием дела: «Уго Чавес никогда бы не смог представить себя в качестве кандидата на выборы и тем более выиграть их, если бы до этого не было неких предварительных договоренностей как в международном, так и национальном плане. Договоренности означают компромисс... Альтернативой была его физическая ликвидация»²³.

Важнейший противовес вынужденным компромиссам – интернациональная солидарность. Боливарианское движение должно быть общелатиноамериканским. И уже во второй половине 1994 г. Чавес отправляется

в дальнюю поездку: Аргентина, Уругвай, Колумбия, Бразилия, Чили, Панама. Где-то приходится выступать в полупустом зале, откуда-то уезжать досрочно. Правые СМИ запугивают читателей «подрывными» планами «путчиста». Зато сбывается давняя мечта: приглашение на Кубу, лично от Фиделя! Пусть бесятся враги, пусть сомневаются попутчики, не потеряет ли друг Кубы голоса на выборах. Люди с улицы все поймут правильно!

Легендарный Главнокомандующий встретил гостя в аэропорту. Так он встречал только тех, в чье политическое будущее верил, а в прогнозах он почти не ошибался. Чавес вспоминал: «Встреча с Фиделем была для меня чем-то сказочным. Никогда не забуду этого свидания, нашей беседы... Фидель для меня – отец, товарищ, наставник по выбору безошибочной стратегии»²⁴.

Следующие два года были посвящены «развертыванию» конспиративной MBR-200 в широкое легальное движение. Было сформировано политическое руководство с участием военных и гражданских. Поворотным стал 1997 г. – год тридцатилетия героической гибели Че Гевары, год рождения международного альтерглобалистского движения. В апреле чрезвычайная ассамблея преобразовала MBR-200 в «Движение V Республики» (MVR). Новое название отвечало требованиям избирательного законодательства, запрещавшего партиям использовать имя Боливара и другие «символы Родины». Заодно можно было идейно отмежеваться от «IV Республики», как Чавес и его товарищи стали называть всю буржуазную государственность Венесуэлы после трех революционных республик времен Боливара.

Размежевание с прошлым соответствовало настроению масс, на собственном опыте убеждавшихся: по-старому жить нельзя, да и не получится. Две трети населения уже было отброшено ниже черты бедности. Богатейшая ресурсами страна зашла в тупик: коррумпированная бюрократия не давала навести порядок в госсекторе, сопротивление народа не допускало неолиберальных «реформ». Как всегда и везде в периоды безвременья, галопировали коррупция и преступность. Все, кроме горстки коррупционеров, жаждали выхода. Рабочие и крестьяне мечтали о социальной справедливости, радикальная молодежь – о революции, средние слои и буржуа – о твердой власти, при которой можно будет делать бизнес без разорительных взяток и ходить по улицам без страха. Классовый антагонизм в Венесуэле не достиг такого накала, чтобы все эти ожидания не могли на время совпасть.

Ближайшим результатом стало политическое банкротство буржуазного и мелкобуржуазного реформизма. Первыми потерпели разгром AD и COPEI. Кальдера напрасно пытался склеить из обломков разных партий новое реформистское течение, метко прозванное в народе «тараканником». Растеряли остатки авторитета и эпигоны «еврокоммунизма» из MAS, чей лидер Т. Петкофф, ставший у Кальдеры министром финансов, пытался проводить по указке США и МВФ неолиберальные «реформы», ненавистные народу и без диктаторской власти заранее обреченные на провал. Сложилось одно из отмеченных Лениным условий победы революции – реформисты всех оттенков «достаточно

разоблачили себя перед народом, достаточно опозорились своим практическим банкротством»²⁵.

Верно уловив настроения народа, Чавес с товарищами смогли за считанные месяцы создать прочную организационную структуру, разветвленную, но спаянную единой дисциплиной. Ее отделения имелись во всех штатах и муниципиях, в городских кварталах и сельских общинах, на предприятиях, в торговых центрах, университетах. Почти в каждом населенном пункте действовал «Дом V Республики», куда бедняки приходили со своими нуждами и заботами, где они находили поддержку и помощь. Эта структура завоевала авторитет не только у бедноты, но и в средних слоях, среди студентов и интеллигенции. На первомайской демонстрации рабочие несли рядом плакаты с осуждением «Пакетоффа» (пакет мер МВФ, объявленных Петкоффом) и огромный портрет команданте Уго.

В Вашингтоне забеспокоились: Чавес оказался не столь «ручным», каким его изображали буржуазные попутчики. В начале 1998 г. госдепартамент отказал ему во въездной визе в США. О нет, не из-за дружбы с Кубой, не из-за союза с коммунистами – видите ли, «Чавес нарушил демократические традиции венесуэльских военных тем, что организовал мятеж в 1992 году». Как будто мало нарушителей «демократических традиций» получали без проблем не только визы, но и финансовую, военную и прочую «помощь»! Перед призраком «коммунистической угрозы» Вашингтон в очередной раз сделал ставку на статус-кво – и проиграл.

24 июля 1998 г., в день рождения С. Боливара, Уго Чавес зарегистрировался в Национальном избирательном совете в качестве кандидата в президенты. Площадь и близлежащие улицы заполнились народом. Многие пришли в красных беретах – они станут частью чавистской «униформы», скоро к ним добавятся красные рубашки. Лидер обещал восстановить утраченную честь нации, честно использовать естественные ресурсы на благо всех венесуэльцев, бороться против разгула преступности. Он заявил также о необходимости нового Основного закона и созыва Конституционной ассамблеи для его принятия. Один из главных уроков Чили был учтен – править со связанными руками Чавес не собирался.

В вопросе финансирования кампании особого выбора не было – казначеем стал Микелена. Его друзья-предприниматели дали напрокат автомашины и два вертолета – появилась возможность оперативно добираться до самых отдаленных уголков страны. Дом для штаб-квартиры предоставил архитектор Н. Паниц, не видевший иного шанса одолеть коррупцию, кроме победы Чавеса. Но с деньгами было туго – буржуа не спешили раскошелиться, да и из поступавшего многое, как стало известно позже, оседало на счетах Микелены и его родственников. Выручал народ. В одном из беднейших штатов после выступления Чавеса собрали целый мешок мелких банкнот. Уго с полным основанием говорил: «Мы никогда не будем иметь на кампанию столько денег, сколько наши противники, но каждый наш боливар равноценен их сотне»²⁶. О своих опросах общественного мнения пока приходилось только мечтать, чужие

были заведомо необъективны. Но Чавес не давал товарищам унывать: «У нас есть определенное преимущество перед другими кандидатами, потому что мы уже обладаем хорошей исходной позицией. Трудно предположить, что где-то в Венесуэле не знают, кто такой Чавес, и хотя бы раз не видели в газетах его лица. Я посещаю индейские селения, и индейцы меня узнают... У нас уже есть вложенный в кампанию капитал, значительная часть нашего пути уже пройдена!»²⁷

В кампании 1998 г. впервые по-настоящему раскрылись лидерские качества Уго. Феноменальная энергия и выносливость помогли объехать всю страну. Такого оратора и полемиста Венесуэла еще не знала. Памятью он обладал, по словам Фиделя, «исключительной»: «Если Чавес воспроизводит какой-нибудь разговор многолетней давности, в точности его слов можно не сомневаться»²⁸. Без бумажки выступал перед любой аудиторией. Говорил на языке народа, уснащенном поговорками и острыми словечками пастухов-льянеро и бедняков Каракаса. Цитировал Боливара и Самору, библейские притчи, отрывки из романов. А чтобы кандидат в президенты публично читал стихи, в том числе свои, – такого в Венесуэле вообще не помнили. Люди труда впервые видели и слышали человека из своей среды, знавшего их беды и радости, убедительно предлагавшего им лучшее будущее.

Буржуазные попутчики Чавеса явно не ожидали такой народной поддержки. Казалось бы, им, сделавшим ставку на «харизматического лидера», следовало только радоваться близкой победе, но самые опытные уже почуяли – это не их победа. Незадолго до выборов Паниц обмолвился Микелене: «Боюсь, что мы создали Франкенштейна». Старый интриган развел руками: «Я думаю то же самое, но в нашем распоряжении не было никого другого»²⁹. Эти господа воображали, что «раскрутили» Чавеса и смогут направлять его в своих интересах. Но недалек был час, когда их разметает и смоет могучая волна, взметнувшаяся снизу и поднявшая на гребне Чавеса. Властно проявил себя решающий признак революционной ситуации – активность масс, «привлекаемых, как всей обстановкой кризиса, так и самими «верхами», к самостоятельному историческому выступлению»³⁰.

Решающей схватке за Мирафлорес предшествовала проба сил - парламентские и губернаторские выборы в ноябре 1998 г. На них Патриотический полюс получил 1,7 млн. голосов, прежде всего в промышленных центрах и густонаселенных сельских районах. «Полюс» вышел на второе место, наступая на пятки АД и обогнав остальные партии. Это был показатель не только популярности лидера, но и силы организации, доверия масс к ней.

На президентских выборах в декабре того же года Чавесу отдали голоса 3,6 млн. (56,2%) – на миллион больше, чем ближайшему сопернику, вдвое с лишним – чем Патриотическому полюсу на парламентских выборах, в три с половиной раза – чем одному Движению V Республики на них же³¹. Эти цифры свидетельствуют о быстром политическом пробуждении народа. Конечно, это и показатель личного авторитета Чавеса. Но дело не только в «харизме», как любят выражаться борзописцы и дюжинные политологи.

Есть объективная закономерность: при прочих равных условиях президентские выборы открывают революционным силам больше возможностей, чем парламентские. Как отмечал еще Маркс, кандидат в президенты может, в отличие от партии на парламентских выборах, обращаться не только к организованному электорату, но и к неорганизованному, который при капитализме всегда преобладает. Возможности президентских выборов и самой президентской власти часто используются реакцией. Но бывает и наоборот – тогда это мощный рычаг прогрессивных, а иногда и революционных преобразований. И тут очень многое зависит от личности кандидата, в дальнейшем – президента. Особенно в стране, где политика издавна пронизана персоналистскими и популистскими традициями, принесенными в города потомками льянеро. Нравятся эти традиции кому-либо или нет, они – реальность, которую может постепенно изменить лишь сама История, и помогут ей в этом только те, кто для начала сумеет данной реальностью овладеть.

Но есть и другая сторона дела, сегодня особенно актуальная. Важнейшую роль в победе сыграла поддержка Чавеса классовым рабочим движением, прежде всего коммунистами.

С объективной исторической точки зрения, тесная взаимосвязь коммунистического и боливарианского движения неоспорима. Уже в июне 1991 г. Компартия Венесуэлы публично заявила, что уровень народного недовольства навязыванием неолиберальной политики, массовой коррупцией и общим разложением страны достиг точки кипения и это недовольство не может пройти незамеченным в среде Национальных Вооруженных Сил.

Менее чем через неделю после военного выступления 4 февраля 1992 г. редакция газеты коммунистов «Трибуна популар» открыто выразила симпатии к устремлениям и целям боливарианцев, осудила репрессии властей против народа во время и после событий. «Перед лицом ситуации политического, экономического, социального и институционального разложения страны» газета прямо ставила вопрос: «Как можно ожидать, что эта ситуация не будет ощущаться в Вооруженных Силах? Разве офицеры и солдаты – не сыновья народа?»³² Парламентская фракция партии энергично выступила против запрошенных Пересом чрезвычайных полномочий. Интервьюировать арестованных командантес «февральского движения» одним из первых удалось журналисту Лино Пересу Лойо, политсекретарю столичного комитета РСВ. В том интервью Уго Чавес прямо отмежевался от антикоммунизма и приветствовал коммунистов.

В кампании 1998 г. РСВ встала на сторону Чавеса первой, еще в те нелегкие дни, когда «независимые» опросы предрекали ему всего 4% голосов. Как рассказал его преемник Николас Мадуро на Национальной конференции РСВ в марте 2013 г., руководители партии в 1998 г. советовали лидеру боливарианского движения быть осторожнее с оглаской сотрудничества: не сыграть бы на руку антикоммунистической пропаганде. Однако Чавес, сторонник максимальной открытости в политике, не делал из союза с коммунистами секрета³³. К MVR и

PCV присоединились другие партии и организации, сложилась широкая левая коалиция – Патриотический полюс. В дальнейшем из всех участников этой коалиции только PCV никогда не колебалась в поддержке Чавеса.

В политике, и особенно в революции, важно не только количество, но и качество. За PCV и другими организациями марксистско-ленинской направленности шло в то время меньшинство рабочего движения. Но без их идейной убежденности, без их опыта организации и дисциплины, без их проверенной временем линии единства левых сил никакая «харизма» самого лучшего кандидата не могла бы открыть дверь в будущее.

«Новое не может быть копией старого»

Могла ли Венесуэла избежать «левого экстремизма» и сразу пойти «демократическим» путем, не впадая в «грех» конспиративной и вооруженной борьбы? Почему и в какой мере «демократический» путь стал для нее возможен и доказывает ли это ошибочность предыдущего опыта?

Прежде всего, можно констатировать: в 90-е гг. в Венесуэле сложилась ярко выраженная *революционная ситуация*. «Низы» не хотели и не могли жить по-старому, отторгали прежние порядки всеми способами – от уличных протестов до неучастия в выборах, и это почти всеобщее отторжение стало решающим фактором общественного сознания. «Верхи» не могли управлять по-старому, о чем убедительно свидетельствовал полный крах прежней политической системы. И, главное, резко возросла активность масс, перехлестнувшая рамки буржуазной легальности. От стихии «каракасо» - к восстаниям военных в «связке» с гражданскими революционерами. Затем – к массовой народной солидарности с политзаключенными, помешавшей власти расправиться с ними, а затем вынудившей их освободить. И, наконец, к созданию массовой политической организации, объединившей вокруг себя основные левые организации, а затем и большинство общества.

Выраженностью революционной ситуации Венесуэла 90-х напоминала Мексику 30-х, Кубу 50-х, Чили 60-х, Никарагуа и Сальвадор второй половины 70-х гг. Но в отличие от большинства этих стран в Венесуэле крах терпел не тиранический режим, явным образом попиравший буржуазную демократию, а «диктабланда», имитировавшая буржуазную демократию в симбиозе с национал-и социал-реформизмом. За 40 лет «пакта Пунто-Фихо» Венесуэла исчерпала до дна «лимит» на реформизм. Именно он привел страну к общенациональному кризису, из которого не оказалось иного выхода, кроме революционного. Венесуэльский опыт дает аргументы не за реформизм, а против него.

Но каким мог быть революционный выход? Осознанно-классового, пролетарско-социалистического пути на тот момент не допускали ни международные условия, ни внутреннее состояние венесуэльского общества. В нем, при крайней остроте противостояния народа и олигархии, не было налицо класса-гегемона. Такое положение объяснялось, прежде всего, своеобразным проявлением интернационализации производственных отношений – феноменом

нефтяной ренты. Венесуэльская буржуазия не занималась организацией производства, а паразитировала на доходах государства от экспорта нефти. Средние слои жили перераспределением той же нефтяной ренты. Малочисленный индустриальный пролетариат находился под контролем профбюрократов, вросших в правящую олигархию. Огромная полупролетарская масса городской и сельской бедноты была социально распылена, задавлена нищетой, в значительной мере деклассирована. К этому надо добавить субъективный фактор – дезориентацию и раскол коммунистического движения, дискредитацию идеи социализма и вообще политической партийности неудачей герильи, провалами и преступлениями «социал-демократов» типа К.А. Переса, падением европейского социализма. По всему этому стратегия смены власти и ближайших этапов преобразований могла быть только народно-демократической, в чем-то напоминающей стратегию начального этапа революции на Кубе; советы Фиделя были поистине неоценимы.

В отличие от Кубы и подобно Чили, в Венесуэле имелись объективные условия для начала революционных преобразований мирным путем. Это, прежде всего, возможность широчайшего, почти общенационального согласия по вопросу возвращения стране главного природного богатства, узурпированного иностранным монополистическим капиталом напрямую (Чили) или совместно с коррумпированной верхушкой крупной буржуазии и бюрократии (Венесуэла). Изъятие «сырьевой ренты» у империализма и его пособников, ее использование на благо нации – требование, казалось бы, умеренное, отвечающее интересам не только всех трудящихся, но и части буржуазии. Однако в странах, где вокруг экспорта сырья вращается вся экономика, это «умеренное» требование по существу означает глубокий переворот в производственных отношениях, меняющий место страны в мировом капиталистическом разделении труда, и тем самым приобретает *революционный* характер. Тем самым общенародный этап революции обретает глубоко антиимпериалистическое содержание, создавая объективную возможность ликвидации диктатуры монополий.

Вместе с тем, Чили 60-х – начала 70-х гг. отличалась самым сильным в регионе рабочим движением и предельной остротой классового антагонизма. Кроме того, правительству Народного единства приходилось сразу же идти на фронтальное противостояние с империализмом: иначе нельзя было вернуть стране главное природное богатство – медь. Все это делало неизбежным быстрое насильственное решение вопроса «кто – кого?»

В Венесуэле классовый антагонизм был далек от такой остроты, как в Чили. Рабочее движение не успело сложиться до наступления «нефтяной эры», а с ее приходом условия жизни большинства определялись не столько результатами своего труда, сколько результатами труда немногочисленных нефтяников и уровнем мировых цен на нефть. Сложившаяся при этом социальная структура не столько выявляла классовую, сколько маскировала ее. Обыденное сознание улавливало не глубинный антагонизм классов, а в лучшем случае противостояние коррумпированной олигархии и «народа». И такое восприятие

довольно точно соответствовало объективным первоочередным задачам. Не требовалось спешить с национализацией – нефть и так большей частью находилась формально в государственной собственности, надо было только отсечь от нее буржуазно-коррупционный «спрута» и обратить ее на благо большинства нации. Возможность компромиссов в ходе революционного процесса, продолжительность его общенародного этапа были объективно больше, чем в Чили.

Слабо структурированное состояние даже «классов в себе», не говоря о «классах для себя», делало неизбежной «кристаллизацию» народного блока не вокруг класса, не вокруг партии, а вокруг лидера. Последнее свойственно популистской традиции большинства латиноамериканских стран, в Венесуэле же эта традиция была одной из самых прочных.

Парадоксальным образом эти же экономические, социальные и культурно-психологические условия способствовали сохранению до конца XX века специфических черт венесуэльской армии, не дали ей превратиться, как в Чили, в преторианскую гвардию эксплуататоров.

Тем не менее, избирательная победа 1998 г. была бы невозможна без конспиративной и вооруженной борьбы предшественников Чавеса, его самого и его товарищей. Иначе не было бы ни возможностей серьезной политической деятельности левых, ни способных к ней людей. Противники не раз пытались укорять Чавеса: почему бы сразу, без жертв, не пойти легальным путем? Таких попыток было немало, но все они вязли в парламентской рутине или пресекались мафиозным террором. Нельзя не согласиться с кубинцем А. Герра Кабрерой: «Революционная вооруженная борьба – одна из важных предпосылок Боливарианской Революции. В ней приняли участие многие из лучших сынов Венесуэлы шестидесятых и семидесятых годов. Из нее вышли многие кадры левых партий, пополнившие затем ряды чавизма»³⁴. Кубинский исследователь подчеркивает и такую особенность Венесуэлы, как активное участие в вооруженной революционной борьбе военных. Заключительным этапом были подготовка и осуществление военно-гражданских восстаний 1992 г., сопоставимых по своей исторической роли со штурмом Монкады в 1953 г. Не увенчавшись непосредственным успехом, эти выступления послужили катализатором развала диктатуры господствующего класса, необратимо изменили политический климат страны. Современный российский исследователь Э.С. Дабагян справедливо отмечает: «События 1992 г. оставили глубокий след в сознании и памяти народа и имели серьезные долговременные последствия. Они существенно повлияли на расстановку политических сил, привели к подрыву монополии на власть традиционных партий и эрозии сконструированной ими модели. Подтверждением этого служили итоги президентских и парламентских выборов 1993 г. Они принципиально, можно даже сказать, качественно отличались от предшествующих»³⁵.

Дело обстоит отнюдь не так, будто Чавес и его товарищи ошибались в своем юношеском радикализме, а потом «поумнели» в буржуазно-обывательском

смысле. Изменились, во многом их усилиями, условия борьбы: репрессивный механизм Четвертой республики был в значительной мере развален, реальная смена власти впервые смогла происходить избирательным путем.

Сдвиги в том же направлении произошли и в масштабе региона. Ценой 30 лет упорной борьбы, преимущественно подпольной и вооруженной, народы капиталистических стран Латинской Америки завоевали буржуазную демократию и возможность использовать ее институты до тех пор, пока враг вновь не поставит в порядок дня иные формы борьбы. Без этого «левый поворот» в избирательной форме был бы невозможен.

Применительно к Венесуэле 1992-98 гг. речь, видимо, должна идти об использовании революционерами не столько буржуазной демократии, сколько обстановки развала и краха псевдодемократической «системы институтов» Четвертой республики. Действительная демократия появилась там только после декабря 1998 г., благодаря созданию качественно *новой* «системы институтов» – Боливарианской Республики – и *слову* (пусть специфическому, еще не полному) старой. В рамках этой новой системы, по новой всенародно принятой Конституции, Чавес *демократически* выиграл все последующие *свободные* (насколько это возможно в классовом обществе) выборы. Но без предшествующей смены политической системы ни о какой, даже буржуазной, демократии и свободе *для трудящихся* не могло бы быть и речи. В этом и проявляется в политической сфере *революционный* характер процесса уже на его общенародном этапе. К вопросу о возможности *смены классов у власти* путем «свободных выборов» в условиях диктатуры буржуазии венесуэльский опыт отношения не имеет.

По этой же причине, при всей важности «левого поворота», отнюдь не «во всей Латинской Америке продолжается мирная боливарианская революция»³⁶. Революционный характер (или тенденцию к нему) перемены пока что приобрели только там, где их объективные и субъективные предпосылки близки к венесуэльским: в Боливии, Эквадоре, Никарагуа. В других странах классовый антагонизм глубже, общенародных и общедемократических задач меньше, и там система диктатуры монополистического капитала намного прочнее, взять над нею верх «по-венесуэльски» не получается и едва ли получится. Да и общая ситуация в регионе и мире уже иная, чем 20, 15 и даже 10 лет назад. Уго Чавесу, как некогда Фиделю Кастро, помог в числе прочих «фактор неожиданности»: довольно долго противнику даже в голову не приходило, насколько серьезный оборот принимает дело. Теперь на этот фактор рассчитывать не приходится.

От соблазна пережить историю путем повторения латиноамериканского опыта надо особо предостеречь партии, принадлежащие, хотя бы по истории и названию, к коммунистическому движению. Оставим для особого рассмотрения вопрос об объективной возможности общенародного или общедемократического этапа в странах, знавших более высокие стадии развития классовой борьбы. Но даже если, вследствие зигзагов истории, этот вопрос решится положительно, буржуазия всегда будет особо настороженно относиться к «призраку

коммунизма». И в Латинской Америке компромиссы с ней даже на общенародном этапе борьбы удавались *с пользой для революции* только партиям и лидерам, не имевшим коммунистической «родословной», – их принимали за своих или надеялись сделать своими. С коммунистов за подобный «компромисс» будет запрошена такая цена, которая сведет их революционный потенциал к нулю, да и вообще обрежет их на политическую смерть. Это мы видим на множестве примеров и в Латинской Америке, и особенно в европейских странах с давней традицией классового размежевания политических сил.

Что же касается России, то, пожалуй, единственный общий момент ее условий с венесуэльскими – все та же нефтегазовая рента. Пути латиноамериканской страны зависимого капитализма и «правопреемницы» социалистической сверхдержавы могли в чем-то пересечься разве только на краткий исторический миг – в «лихие 90-е», времена Рохлина и Примакова. Как говорил мой покойный знакомый, цитируя старый мексиканский фильм: «У нас разные дороги, перекресток позади».

Венесуэльские революционеры 90-х годов действовали в своей стране, своем регионе и своем времени – недавнем, но уже минувшем. Честь им и слава. Вечная память товарищу Чавесу.

Но нам, при всем международном значении Боливарианской революции, ее опыт вряд ли поможет решить наши сегодняшние проблемы. Придется думать своей головой.

¹ Ленин В.И. Государство и революция. ПСС, 2-е изд., т. 33. С. 5.

² Там же.

³ <http://m.elespectador.com/noticias/elmundo/articulo-409274-chavez-una-revolucion-democratica>

⁴ А. Фролов. Чавес. Народ. Власть / Советская Россия. 12.03.2013.

<http://www.sovross.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=593190&pagenum=1>

⁵ Следуя терминологии, утвердившейся со времен Великой Французской революции, автор понимает под *левыми* политические силы, выражающие (так или иначе, в той или иной мере) интересы эксплуатируемых классов в их противоположности интересам классов эксплуататорских, тогда как *правые* выражают интересы эксплуататорских классов как таковых, а также те интересы эксплуатируемых, которые частично и временно объединяют их с эксплуататорами, подчиняют гегемонии эксплуататоров. Отдавая себе отчет в том, что в европейских странах термин «левые» чрезвычайно расплывчат и дискредитирован оппортунистами, автор считает оправданным применение его к Латинской Америке. В этом регионе, где ведущей формой проявления классового антагонизма до сих пор остается противоречие между проимпериалистической олигархией и народом (в его марксистско-ленинском понимании как трудящихся и эксплуатируемых), наоборот, слабо оформлены «европейские» политические деления непосредственно-классового происхождения (коммунисты, социалисты, либералы, консерваторы и т.д.), тогда как левые силы, при всей их множественности и противоречивости, объективно существуют как устойчивый политический феномен, нередко – как организованный блок, отражающий интересы народа, в противоположность правому блоку, выступающему политическим представителем олигархии.

⁶ Dictablanda – понятие, введенное латиноамериканскими политологами. Последние два слога испанского слова dictadura буквально означают «жесткая», blanda – «мягкая»; dictablanda – «мягкая диктатура» или «мягкий диктат».

⁷ Пунто-Фихо – название имени в пригороде столицы, где состоялось подписание пакта.

⁸ С ныне правящей партией Боливии у них совпадает только название.

⁹ Сапожников К.Н. Уго Чавес: одинокий революционер. – М.: Молодая гвардия, 2011. С. 44.

¹⁰ Сапожников К.Н. Указ. соч. С. 65.

¹¹ Сапожников К.Н. Указ. соч. С. 75-76.

¹² Сапожников К.Н. Указ. соч. С. 75-76.

-
- 13 Сапожников К.Н. Указ. соч. С. 82-83.
14 Сапожников К.Н. Указ. соч. С.108.
15 См.: Сапожников К.Н. Указ. соч. С. 124.
16 Сапожников К.Н. Указ. соч. С. 121.
17 Сапожников К.Н. Указ. соч. С.123.
18 Сапожников К.Н. Указ. соч. С. 131.
¹⁹ Ленин В.И. Крах II Интернационала. / ПСС, 2-е изд., т. 26. С. 218.
²⁰ <http://prensapcv.wordpress.com/2013/03/25/lealtad-historica-con-chavez-y-la-revolucion/>
21 Сапожников К.Н. Указ. соч. С. 136.
22 Сапожников К.Н. Указ. соч. С.137.
23 Сапожников К.Н. Указ. соч. С. 155.
24 Сапожников К.Н. Указ. соч. С. 142.
²⁵ Ленин В.И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме / ПСС, т. 41. С. 79.
26 Сапожников К.Н. Указ. соч. С. 154.
27 Сапожников К.Н. Указ. соч. С.154.
28 Сапожников К.Н. Указ. соч. С.45.
²⁹ Сапожников К.Н. Указ. соч. С. 156. Франкенштейн – персонаж одноименного романа Мэри Шелли, человекоподобное создание ученого-авантюриста, взбунтовавшееся против своего создателя, – олицетворение разрушительных сил буржуазного общества, неподвластных ему самому.
³⁰ Ленин В.И. Крах II Интернационала / ПСС, 2-е изд., т. 26. С. 218.
31 См.: Дабагян Э.С. Уго Чавес: Политический портрет. М.: ИНИОН, 2005. С. 16.
³² <http://prensapcv.wordpress.com/2013/03/25/lealtad-historica-con-chavez-y-la-revolucion/>
³³ <http://prensapcv.wordpress.com/2013/03/25/lealtad-historica-con-chavez-y-la-revolucion/>
34 Angel Guerra Cabrera. Una valiosa experiencia revolucionaria venezolana / <http://www.rebelion.org/noticia.php?id=166366&titular=una-valiosa-experiencia-revolucionaria-venezolana->
35 Дабагян Э.С. Указ. соч. С. 12.
36 А.Фролов. Чавес. Народ. Власть.